

MARKING A PLACE: THE ROLE OF VOID SPACES IN THE MENTAL BOUNDARIES OF A CITY (ON THE EXAMPLE OF THE SMOLENKA RIVER MOUTH)

Anna A. Troitskaya (a)

(a) Institute of Philosophy of St Petersburg State University / Research Center for Cultural Exclusion and Frontier Zones, Sociological Institute, RAS, Russia. Saint Petersburg, Russia.
 Email: annatroitckaya[at]gmail.com

Abstract

How do urban voids affect the formation of urban identities? Holes and voids in the urban landscape are not just a result of geographical dimensions. They intrude into the contours of the city pattern or exist as its basis and organize the place around. Mental mapping allows us to draw invisible borders of urban areas that acquire independent significance because of these gaps. The aesthetics of urban lost spaces have their own background, especially when it comes to the cultural memory intrinsic to this landscape. However, has meaningful mnemonic experience always taken a place within these mental boundaries? Can we talk about the Petersburger's regional identity in connection with neogenic territories?

The paper uncovers the locus with zero level of cultural memory — the current entry of the Smolenka River into the Gulf of Finland in the Northwestern part of Vasilievsky Island. The Smolenka River mouth and the area around it are considered as one of the St. Petersburg “non-places” (in Marc Augé’s terminology), i. e. places deprived of personal history and not defined through identity and cultural relations. The draft of a nonexistent park and the channels surrounded by wastelands are not only a physical gap in city blocks, but also the embodiment of emptiness as a clean slate of cultural memory. At the same time, the Smolenka mouth is one of such territories that are quickly filled with related cultural meanings and stylistic allusions, which leads to the emergence of a new symbolic landscape.

Keywords

Urban Space; Identity; non-Places; Borders; Urban Voids; Cultural Memory; Spatialization; Smolenka Mouth; Urban Structure; St. Petersburg Myth

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

МАРКИРУЯ МЕСТО: РОЛЬ ПУСТЫХ ПРОСТРАНСТВ В МЕНТАЛЬНЫХ ГРАНИЦАХ ГОРОДА (НА ПРИМЕРЕ УСТЬЯ РЕКИ СМОЛЕНКИ)

Троицкая Анна Алексеевна (а)

(а) "Институт Философии СПбГУ / Центр изучения зон культурного отчуждения и пограничья СИ РАН. Санкт-Петербург, Россия. Email: annatroitckaya[at]gmail.com

Аннотация

Как пустые пространства города влияют на формирование городских идентичностей? Лакуны и пустоты в городском ландшафте — не только набор географических измерений. Они вторгаются в контуры городского рисунка или существуют как его основа, некая данность, позволяющая упорядочить место вокруг. Ментальное картографирование позволяет провести невидимые границы городских территорий, приобретающих в результате этих разрывов самостоятельное значение. Эстетика городских пустот имеет свою подоплеку, особенно тогда, когда можно говорить о культурной памяти, присущей данному ландшафту. Но всегда ли есть место осмысленному мнемоническому переживанию внутри этих ментальных границ? Может ли идти речь о региональной идентичности жителя Петербурга в связи с новыми, необжитыми, намывными территориями?

В статье анализируется локус с нулевым уровнем культурной памяти — современное место впадения реки Смоленки в воды Финского залива в северо-западной части Васильевского острова. Устье реки Смоленки и территория вокруг него рассматриваются как одно из петербургских «не-мест» (в терминологии, предложенной М. Оже), то есть мест, лишенных персональной истории, не определенных через идентичность и культурные связи. Черновик несуществующего парка, протоки, окруженные пустырями, являют собой не только физический разрыв в городской застройке вдаль от туристических достопримечательностей, но и воплощение пустоты как чистого листа культурной памяти. Положение «не-места» обеспечивает и особенную привлекательность для посетителей этих краев, преодолевающих транзитные состояния запланированными неспешными променадами по необустроенным берегам реки и залива, принятием солнечных ванн и другими способами проведения досуга. В то же время, устье Смоленки относится к одной из тех территорий, которые быстро наполняются соотносимыми с ними культурными смыслами, стилистическими аллюзиями, что ведет к возникновению нового символического ландшафта.

Ключевые слова

Городское пространство; Идентичность; не-Места; Границы; Городские пустоты; Культурная память; Спатиализация; Устье Смоленки; Городская структура; Петербургский миф

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

1.

Тропа, сворачивает под знак, запрещающий въезд, и ведет параллельно просвечивающей между деревьями водной линии. По дороге, среди камней и трав, попадаются брошенные или потерянные предметы: пакеты, бутылки, кукольные брючки, автомобильная шина, грязный коврик и что-то еще. Все это превращено в часть ландшафта, полного зелени в теплое время года и составленного из корней, стволов и сухих стеблей, зыблемых ветром, в холодные сезоны. Этот пейзаж нельзя назвать всецело безрадостным, хотя борьба с унынием и здесь прорывается в виде творчества граффитистов на гранитных стенках, обрамляющих водоём. Путь, заканчивающийся утоптаным тупиком, теряющимся в зарослях кустов, одинокие архитектурные объекты, поверх которых взгляд не находит никаких перспективных линий, кроме одной лишь горизонтали, отделяющей небо от земли, странноватые виды внезапно открывающегося простора, — вот описание места, не придающее ему уникальности среди других похожих мест на побережье залива.

Слева, справа и за спиной остается город, в котором продуманы и просчитаны расстояния между важнейшими точками пересечения и центрами коммуникации, надежные расписания остановок городского транспорта, предписания поведения вблизи проезжей части, на детских площадках, в торговых точках. Здесь же неожиданная предоставленность самому себе мгновенно меняет способ видеть и ощущать телесно лакуну, образовавшуюся внутри знакомого городского ландшафта, соизмеряя ее внутренние неровные границы с внешними, рационально заданными магистралями, ближайшими к ней. Пустота эта образована не одной лишь пространственной данностью, но и связанными с ней представлениями. Лишенная какой-либо из известных городских функций, она образует широкий барьер между окружающими ее территориями, своеобразный фронт, имеющий собственную внутреннюю жизнь и потенциальные символические значения.

Пустоты в городском ландшафте, разрывы в его картографической репрезентации — не только набор географических измерений. Они вторгаются в контуры городского рисунка или существуют как его основа, позволяющая упорядочить место вокруг. Различного рода рефлексии, связанные с обитанием вблизи этих пространств или преодолением их, с попытками осмысления и включения в план городского квартала, восстановлением или установлением ассоциаций с мифологическим образом города, — все это представляет интерес с точки зрения исследователя городской идентичности. В существовании пустот проявляется такое качество как неоднородность элементов

городской среды (**илл.1**), в то же время их нельзя считать закономерностью городского устройства, равно как и наделить унифицированными признаками.

Переживание пространства, его восприятие, связанное с культурными, социальными, ментальными явлениями в последние годы становится предметом многочисленных исследований: антропологических, урбанистических, философских. Наиболее разработанные подходы в изучении городского пространства методологически сосредоточены на аспектах памяти¹ и практиках повседневности (базируясь на принципах, предложенных А. Лефевром (Lefebvre, 1971) и М. Серто (Certeau, 1984). Культурная репутация места — один из ключевых факторов формирования городской идентичности, или говоря более точно, городских идентичностей, в которых растворены привычные понятия и образы жителей современных городов: «множественная природа городского пространства, выходящего за рамки географических координат города, позволяет говорить о наборе культурных идентичностей, как целостных и в то же время подвижных образований в социальном контексте и в метафизике городской среды» (Николаева & Троицкая, 2020, стр. 14). Другой фактор — сеть повседневных городских практик, пересекающихся между собой и «обусловленных реально существующими и виртуальными стратегиями освоения современного городского пространства» (там же, стр. 13). Таким образом, оба названных подхода, о которых идет речь, лежат в основе разговора о территориальных и социальных городских паттернах в контексте философии города.

Целостное понимание городских пустот как культурно-пространственного феномена предполагает одновременное обращение сразу к нескольким их качественным характеристикам. Так, физические параметры пустот — незастроенный участок, огороженная или открытая территория, пустырь, — непременно пересекаются с отсутствием функциональности (социальной, транспортной, коммерческой, эстетической etc.), поэтому, например, мы не рассматриваем в качестве пустоты просторную городскую площадь или участок действующей линии электропередач. Другая важная характеристика для определения роли пустот в городе заключается в их происхождении: генезис пустоты напрямую связан с понятием «места» как пространства, наделенного историей и памятью². Цепочку сложных процессов,

¹ Здесь можно выделить концепты культурной памяти (см. Ассман, 2004; Assmann & Shortt, 2011) и мест памяти (Нора, 1999).

² То, как и в каких координатах города образовалась пустота, имеет значение, поскольку мы априори воспринимаем урбанизированное пространство как освоенное человеком.

участвующих в формировании идентичности, дополняют, а порой и заменяют, данные исторических исследований, вызванных «интересом публики к старине, как будто историки рассказывают нашим современникам о том, кто они такие, через рассказ о тех, кем они больше не являются» (Оже, 2017, стр. 31). В поиске «ускользающей идентичности» отчасти состоит практическая роль популярного краеведения, подпитывающего «культ корней (*roots*) и развитие генеалогических изысканий» (Нора, 2005, стр. 202). Для одних пустынные или заброшенные участки («заброшки»¹) становятся ценностно значимыми в силу этих исторических связей и личностных принадлежностей, в то время как для других они представляют скрытую угрозу хаоса или же возможности преобразования и создания новых культурных смыслов, никак не согласующихся со старыми. Эти возможности, таящиеся в пустотах, определяются существованием или отсутствием памяти места, ее сохранением или преодолением, что обуславливает соотношение истории и идентичности в связи с отдельно рассматриваемым фрагментом городского пространства.

Иллюстрация 1. Устье р. Смоленки с видом на новые намывные территории. Фото автора. 2020.

¹ Практики освоения таких территорий подробно описаны и классифицированы в статье Егора Шевелёва (2018), однако, сразу необходимо отметить принципиальное отличие рассматриваемых им объектов: так наз. «заброшек», покинутых, разрушающихся зданий, подземных бункеров, незаконченныхстроек и руинированных промышленных объектов, от интересующего нас городского локуса, не лишенного возможности присутствия человека.

Специфика физических границ городских пустот и их вовлечение в повседневные городские практики подчеркивает общность пространственных и социальных процессов, характерных для маргинализованных городских участков, исследование которых теоретически восходит к фронтирной урбанистике (см. Febvre, 1973; Merriman, 1991; Басалаева et al., 2020; Рибер, 2004; Якушенков, 2015; и др.) В этом ключе дихотомическая пара «обжитые» и «необжитые» земли может быть осмыслена как безусловная фронтирная культурная модель (Якушенков, 2015, стр. 294) в конкретном локальном проявлении.

Границы пустот становятся подвижны и проницаемы, когда речь идет о *ментальном картографировании*, отличительная черта которого — субъективные представления горожан, касающиеся элементов городской среды. «Видимая стабильность» картографического пространства теряет свою устойчивость в свободных вербальных описаниях людей, внутри «индивидуальной географии», «фрагментов пространства, разворачивающихся вокруг одного человека в течение его жизни» (Шубинский, 2001, стр. 115–116). Восприятие города, значимых точек маршрутов, представления о масштабах и пространственно-временных параметрах, присущих городским повседневным практикам, по мнению социологов и отдельных представителей культурной географии, существует в сознании людей в виде *ментальных карт*. (Методологию и понятие «образных карт» еще в 1960–1970е использовал Кевин Линч (1982), а первые попытки введения в научный оборот «воображаемых карт» были предприняты еще в начале XX века Чарльзом Тробрэйджем (Trowbridge, 1913; Митин, 2017, стр. 7). Если в когнитивной психологии ментальные карты рассматриваются с позиций субъективности, свойственной индивидууму, то в более широком междисциплинарном освещении это понятие распространяется на группы людей и целые сообщества (Шенк, 2001, стр. 43), обладающие собственным воображением, коллективными традициями репрезентации пространственных знаний. В этом отношении пустоты, лишённые генетического прошлого, функционального настоящего, лишённые социальных маркировок становятся своего рода зонами исключения в ментальных картах города. Их физические координаты меняются в повседневном восприятии жителей, избегающих фиксации этих мест, что ведет к неосознанному созданию новых мифологических образов города, оставляющих пустотам возможности обретения иного социокультурного статуса. «То, что есть в городе, но чего нельзя увидеть, следуя обычными маршрутами, рождает желание

первооткрывателя и рисует новые очертания неизведанных земель поверх официальной городской карты» (Шевелев, 2018, стр. 63).

Пустоты визуализируются на традиционных картах в виде белых, бледно-серых и зеленых бесформенных фигур (в то время, как рационально освоенным городским кварталам свойственна геометричность и определенность условно выраженных цветом значений). Более убедительны их образные представления, полученные в результате чувственного опыта посещения, пересечения, преодоления, что, безусловно, наделяет их своеобразной эстетической составляющей и смыслами, уникальными по отношению к окружающей их среде.

2.

Внешне пустоты и заброшенные участки практически напрямую отвечают определению постиндустриального ландшафта. По этой причине тема пустот, так же, как и «мертвых зон», заняла устойчивые позиции в постмодернистском дискурсе и современной философии города (Dogon, 2018, p. 55). Пустые городские пространства рассматриваются уже не только как физическая данность, но и как метафизический объект, как место перехода и разрыва, пробела или ретуширования, пролома, зазора, наконец, как ментально воспринимаемая необходимость *mind the gap* в современном городе. Пустота обладает потенциальностью и потенциальность эта вариативна.

Концепт пустоты нашел разнообразное воплощение в искусстве XX века: в связи с одной из тематических выставок, посвященных эстетике пустого пространства в русском искусстве, Виктория Хан-Магомедова дала краткий обзор мировых художественных практик, работающих с идеей пустоты, ее различными преломлениями (Хан-Магомедова, 2011), и среди различных подходов к ней выделила несколько ключевых: воплощение ужаса небытия, невозможности продолжения движения, репрезентации невидимого или остаточных субстанций, а также представление пространственных форм пустоты как места перехода, локализации, дистанцирования. Нигилистический мотив и мотив бесконечности представляют собой две основных стратегии в формировании эстетики пустых пространств, что нашло свое место в различных арт-практиках. Феномен пустоты, осмысленный в визуальных и поэтических образах, требует фокусировки и глубокого анализа в современных исследованиях города. Городские пустые, затерянные пространства, традиционно соотносятся с проблемами ландшафтной архитектуры, планирования и городского дизайна, но часто остаются незамеченными, как нечто незначительное и второстепенное.

Исключительность и очевидная маргинальная роль городских пустот сближают их с окраинами. Как отмечает Роб Шилдс, «маргинальные места не обязательно находятся на географической периферии, но, прежде всего, они расположены на периферии культурного пространства» (Shields, 1991, p. 3). Паузы и разрывы в городской повседневности, области, не поддающиеся привычной оптике и изъяты из нее, оказываются вне исторической преемственности, а потому обладают привлекательностью чистого листа для создания новых способов взаимодействия. «Невидимые, необжитые, неиспользуемые, исключенные из городской повседневности, пустые и заброшенные пространства становятся местами, где разворачиваются особого рода эстетические, исследовательские, телесные и игровые практики» (Шевелев, 2018, стр. 43). О тесном переплетении эстетики пустоты с постмодернистской эстетикой свидетельствует все еще горячий интерес различных сообществ как к заброшенным объектам, так и к пространствам, выключенным из повседневной жизни прошлого: «Брошенная жизнью индустрия модерности, ее бывшие места производства котируются сегодня столь же высоко, как средневековые руины ценились романтиками» (Кобрин, 2020)¹. Пустыри, «заброшки», неприглядные участки своей сокрытостью, непризнанностью подобны подсознанию города, представляя его «обратную сторону», возможно, в этом и состоит их притягательная сила.

Приведенный выше перечень забытых предметов, мусора и потерянных вещей, одним словом, *брошенного*, дополняет картину урбанистического запустения: в подобных деталях заключено особое качество, связанное с оторванностью вещи от ее привычного, повседневного контекста. «Потерянная вещь — вызов интерпретатору, ответом на который должна стать ревизия найденного и действующих схем восприятия городских пространств» (Запорожец & Лавриненц, 2008, стр. 98). Определению пустоты как отсутствия не только не противоречит это присутствие забытых/брошенных вещей, напротив, они всякий раз демонстрируют факт отчужденности (предмета, места), в то время как деперсонализация сама по себе и в отношении «бесхозных» предметов становится основным признаком городских пустот.

Избыточность истории, перенасыщенность образами времени и пространства, как отмечает Марк Оже (Оже, 2017, стр. 36–40), способствует увеличению числа пустынных пространств или *не-мест*.

¹ Здесь речь идет не об эстетике пустоты как таковой, а о готовности и одновременно неготовности восприятия нового пространства карантинного времени. Рассуждения о пустынности, пустоте и свободе вносят новый ракурс в корпус интро- и постпандемийных текстов, родившихся в условиях появления новых границ и физической разобщенности 2020 года.

Последние также связаны с явлениями бессмысленного существования: не запоминаемого, неизбежного в заброшенности, в отсутствии. (...) Признавая значимость городских пустот, сопоставляя их с привычными повседневными городскими объектами, что, по мнению А. Аккермана, соответствует ницшеанскому различию между дионисийским (пустоты) и аполлоническим (рациональный город), мы отказываемся от ведущего положения одних и подчиненного — других. (Николаева & Троицкая, 2020, стр. 20)

В этих пространственных аллегориях кроется вечное противостояние рационального и иррационального, в котором городские пустоты эстетически восходят ко всему, что стихийно, спонтанно и неподдельно. Морфология пустот отличается спорадической структурой, чьи элементы лишены объективных связей между собой, но в целом проявляют органическую жизнеспособность. Абрахам Аккерман делится своим предчувствием, «что городская пустота должна стать новым убежищем в постмодернистском городе. В центре внимания городского дизайна в XXI веке нужно перейти от городских надстроек к пониманию городских пустот» (Akkerman, 2012 p. 19). Так, помимо стихийности пустота несет в себе и совершенно противоположное качество: способность обозначать внутренние границы городского пространства.

Пустота — логическое завершение образа «амбивалентной городской повседневности» — выступает в качестве «объекта неустанного регулирования и пространства для выплесков жизненной энергии» (Трубина, 2011, стр. 412), сочетающего стремление держаться традиций с потребностью в изменениях. В то же время пустоты существуют как часть сети микрорайона, данность, позволяющая упорядочить место вокруг. Обусловленные наличием места, непригодного для строительства, пустыря, течением подземных вод, они становятся основой для наполнения формы, возникающей вокруг них.

В архитектуре пустоты композиционно реализуются в различных элементах, где их формообразующее, активное начало подобно цезуре в музыке. Петербургский искусствовед Александр Степанов пишет о фрагментах застройки, воспринимаемых «как своеобразное событие: либо пустота уступает телу, либо тело уступает пустоте» (Степанов, 2016, стр. 67), и далее, о границе, отделяющей здание от окружения, которую он уподобляет амбивалентному абрису формы: «Всякий уступ, всякая выемка в архитектурных телах представляются не имманентной игрой объемов, но уступкой тела пустоте, благодаря которой достигается равновесие сил центробежных (идущих от здания вовне) и центростремительных — направленных на здание извне» (там же, стр. 68). Наиболее лаконичный пример такой работы пустоты

являет собой арка, образно вплетенный в архитектуру Петербурга элемент.

Описанная архитектурная роль пустоты, ее формирующая сила, проявляется не только в архитектурной и градостроительной практике: непреднамеренно возникающие городские пустоты активно участвуют в различных аспектах спатIALIZации¹, в процессах закрепления за определенными городскими локусами культурных и социальных значений.

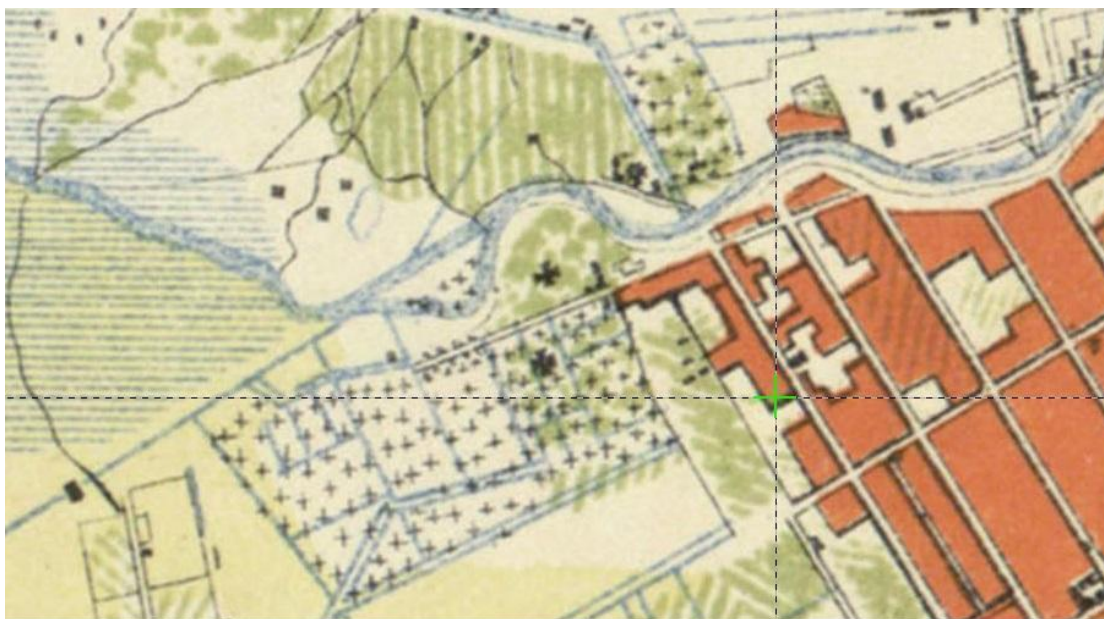

Иллюстрация 2. Спрямленное и старое русло Смоленки. План С.-Петербурга. Литография. 1858. Лист 9. Фрагмент. Источник: Старые карты городов России и зарубежья. Retromap.ru.

3.

Пустота как смыслообразующее начало в городском ландшафте раскрывается на примере устья реки Смоленки (в его современном существовании): именно оно стало прообразом маршрута, проложенного во вступлении к этой статье. В отличие от большинства петер-

¹ Термин «спатIALIZация» здесь используется в значении, предложенном канадским культурологом Робом Шилдсом, видевшем в ней «актуальные социальные пространственные конструкции на уровне социальных представлений (культурная мифология, культурные стереотипы), а также воздействия на ландшафт, как, например, застройка местности» (Shields, 1991, p. 31). Шилдс также связывает процессы спатIALIZации с повседневными практиками и рутинизацией социального действия, основываясь на работах П. Бурдьё и Э. Гидденса (Ibid. p. 32), а также, вслед за М. Фуко, с пространственным идеологическим дискурсом. В качестве результата спатIALIZации возникает ряд перформативных кодов и различных пространственных метафор, складывающихся в сложную сеть ассоциаций, не исчерпывающихся рамками понятия культурной идентичности.

бургских топосов, участок северо-западной части Васильевского острова вблизи впадения реки Смоленки в воды Финского залива мало описан в исследовательской и научно-популярной литературе, главным образом, по причине небольшого возраста, поскольку расположен он полностью на возникших здесь в последние десятилетия насыпных территориях¹. Русло Смоленки, неоднократно спрямлявшееся ради тех или иных городских нужд (см. илл.2)², в этой части образует по сути прямой канал, проложенный в 1964-1980-х годах и получивший окончательный (здесь позволю себе выразить долю некоторого сомнения) современный вид в 2010-х, во время сооружения под устьем реки тоннеля для Северо-Западного скоростного диаметра.

Герметичность блоков жилой застройки в ее окрестностях, усиливает ощущение границ (ментальных и реальных) микрорайонов, возведенных в последние сорок лет, и общих не по замыслу в целом, а скорее лишь по его масштабу. Эти границы пролегают не на плоскости: они возникают от разности вертикальной устремленности застроенных участков и распластанной меж ними «неосвоенной» территории разрыва. Линия реки, этот искусственно созданный ее участок, должен был подчиниться общему рисунку планировки близлежащих кварталов, стать водной границей между ними. Но в самом устье, которое представляет собой систему из широкого бассейна и расходящихся из него каналов (так называемый «Смоленский ковш»), этот рубеж рассеян, вместо него есть внешние границы огромного пустыря, внутри которого прячутся водные протоки и небольшой искусственный остров, облицованный плитами. Город по обе стороны этой предполагаемой черты, должен был развиваться по плану, в котором река давала бы ось симметрии для домов, визуально поддерживающих образ морских врат города, а именно так решены угловые ансамбли двух домов, выходящих на Морскую набережную по Мичманской и Капитанской улицам. «Каждый составлен из пары сходящихся под прямым углом шестнадцатиэтажных корпусов, соединенных по диагонали аркой высотой в десять этажей» (Степанов, 2016, стр. 197-198). Арки, таким образом, красноречиво демонстрируют масштабы замыс-

¹ Речь идет о территории округа Морской Василеостровского района г. Санкт-Петербург, ограниченного Мичманской улицей с юга, ул. Кораблестроителей с востока, отрезка Новосмоленской набережной, совпадающего с южной границей жилого комплекса «Морской Каскад» с севера и Северо-Западным скоростным диаметром, проходящим под устьем Смоленки в тоннеле, с запада. Этот участок был образован в 1970-е во время расширения береговой площади по Генеральному плану В. А. Каменского, с помощью намыва грунта со дна Финского залива, почти на километр к западу. Позже, во время реализации плана «Морской фасад» и строительства СЗСД – в 2010-годы, его территория значительно увеличилась.

² Так в 1858 г. было спрямлено русло на территории кладбища, в 1870-х было также спрямлено и расчищено устье реки (Никитенко & Соболев, 2013. стр. 537).

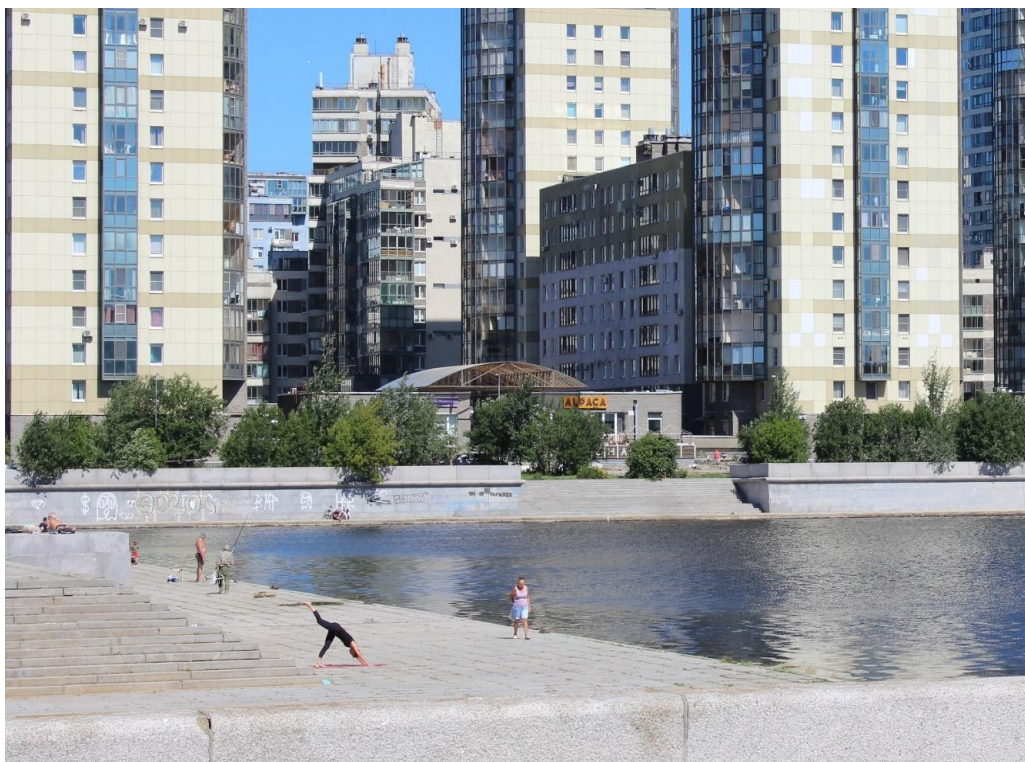
ла преобразования Морской набережной в этом месте. Однако столь грандиозные пропилеи, воплотившие всю «расточительную мощь отечественного брутализма», при ближайшем рассмотрении обнаруживают вместо арочных проемов лжеарочные конструкции-прорези, замаскированные бетонными перемычками (там же, стр.197–198) (см. илл.3). Иллюзорность и иррациональность в сочетании с преувеличенной суровостью и монументальностью форм воплощает дух позднесоветской эпохи, который мог бы стать определяющим для этой местности.

Но в данный момент симметрия плана разрушена новыми комплексами, возведенными по правому берегу устья Смоленки. Это смещение не кажется чем-то чудовищным: «километровое расстояние между домами слишком велико, чтобы при взгляде с моря идея их зеркальной симметрии могла быть уловлена неподготовленным зрителем» (Степанов, 2016, стр. 198). Взгляд теряется в координатах, образованных кривой береговой линией, дугами набережной и улицы Кораблестроителей, тем труднее найти рядом прямые углы, параллели и перпендикуляры. «В кварталах новостроек сетка линий не получила продолжения, и район устья Смоленки, как ни парадоксально, на уровне плана ближе к барокко» (Саблин, 2008, стр. 10). Пластика наиболее примечательных фасадов, некоторая избыточность объемов и экспрессивность архитектурных «складок» в виде выступов, балконов, эркеров, скруглений, подтверждают эту ассоциацию.

Если говорить об устье Смоленки как о местности, то оно не дает ощущения вакуума, физической пустоты, которая отдается гулким эхом на безлюдной площади, как представляется идея пустого пространства. Напротив, напоминает оно заброшенный и заросший пустырь, таящий в себе руины неосуществленных замыслов. Среди амбициозных проектов разных лет были и башня Петра Великого, и театр Аллы Пугачевой, и размещение Центрального Военно-Морского музея (Шмыглевская, 2009; Романова, 2018; Росбалт, 2006). Планирование рекреационной зоны (парка) в настоящее время выглядит менее утопически и больше соответствует тем практикам, которые уже стали привычными для посетителей этого места: прогулки, пикники, рыбалка, пробежки, йога, гимнастика, выгул собак (Илл.4).

**Иллюстрация 3. Дом на углу Капитанской улицы и Морской набережной.
 Фото автора. 2020 г.**

**Иллюстрация 4. Повседневные действия вблизи устья Смоленки: рыбалка,
 йога, солнечные и воздушные ванны. Фото автора. 2020 г.**

Монуменальность гранитного бассейна, созданного на излете советской эпохи, казалось бы, самой завершенной части этого будущего парка, дарит внезапное и глубокое ощущение отчужденности. Бруталистские ступени и парапеты в сочетании с низкими пролетами небольших мостов через рукава канала, не складываются в собственный ансамбль и не могут служить прелюдией к открывающемуся за ними берегу залива. Для кого созданы все эти места отдыха? Возможно, для тех великанов, которые обитают в домах-гигантах, расположившихся по берегам реки? В статье Ирины-Франциски Фуртай-Проскуриной обнаруживаются созвучные впечатления, свидетельствующие о бесприютности человека в границах абстрактного современного города: «пространство города из-за гигантских размеров современных мегаполисов несоразмерно человеку, тем самым лишает его чувства комфорта и гармонии с окружающей средой. Всё это меняет оптимистичное переживание городского пространства, лишая его изначальной оптимистичности, генерируя различные фобии, чувство одиночества, агрессии» (2017, стр. 126). Казалось бы, именно здесь выявляется некий сбой, вызванный столкновением алогичных компонентов логически выстроенной городской структуры. Процесс погружения собственного тела в этот метафизический пейзаж, сочетающий столь вольную игру масштабов, приправленную тут и там деревьями, травами и кустарниками, утками, рыбаками и изредка — техническими катерами, дает почувствовать относительность расстояний и состояний и вкусить ту самую «пассивную радость потери идентичности», о которой писал Оже (2017, стр. 112).

Иллюстрация 5. Территория вблизи устья Смоленки. Шина.
Фото автора. 2020 г.

**Иллюстрация 6. Границы неба, земли и воды и международная граница, маркированная зданиями морского пассажирского порта.
 Фото автора. 2020 г.**

Пространственные ощущения дополняются четко воспроизведенной картиной края города (окраины), что, в общем, близко к истине — здесь находится одна из западных точек города, за которой начинается море. Территория устья Смоленки оказывается пересечена разнообразными границами: временные границы освоения этой местности, граница между водой и небом, заливом и сушей, речная граница между Васильевским островом и островом Декабристов, и, наконец, разрыв Морской набережной, на этом участке лишенной сквозного проезда, а потому как бы отсутствующей, стертой. К этим границам добавляется и граница государственная, институционально оформленная как таможенная зона Морского пассажирского порта¹, отделенного от пустынного, неосвоенного пространства намывного берега заборами и колючей проволокой. Возможно ли безмятежное обитание в этой пограничной территории, среди и поверх границ? Вероятно, возможно, поскольку она вторит общей пограничности Петербурга, места встречи России и Европы, возникшего на стыке эпох (Илл. 5-6) Старая часть Смоленки тоже представляет собою своеобразную границу: между промышленным кварталом (сейчас, скорее, бизнес-кварталом) и жилым, и, поскольку река Смоленка, по сути, — кладбищенский ручей, — между лютеранским и православным кладбища-

¹ На момент создания этого текста Морской пассажирский порт уже длительное время оставался нефункционирующим объектом.

ми¹. Эта основная часть течения воспринимается совершенно обособленно от его продолжения за Наличным мостом в сторону залива, где гранитная набережная, задуманная как 5-километровая эспланада вдоль спрямленного русла реки (Семенцов, 2014, стр. 188)², превращена в променад, место прогулок, дорогу к морю вдоль сравнительно нового квартала, обозреваемого поверх засиженных чайками перил.

Продолжением пути могла бы быть дорога в порт, но за мостом Кораблестроителей она обрывается, сменяясь стихийно образованной сетью тропинок, в то время как трасса к морскому порту расположилась левее и обозначает край той самой пустынной местности, о которой идет речь. Как видно, этот участок насыпной территории обладает, в первую очередь, значениями прохода, промежуточного расстояния, требующего преодоления. Круглогодичная эстетика «заброшки» и буйные заросли в летний период маскируют это доминирующее в настоящий момент значение, в то время как оно в большей мере соответствует определению «не-места», предложенному М. Оже: «Не-места — это и сооружения, обеспечивающие ускоренный круговорот грузов и пассажиров (скоростные магистрали, пересадочные узлы, аэропорты), и сами средства транспорта, а также крупные торговые центры и места долговременного пребывания, приютившие в себе беженцев нашей планеты» (2017, стр. 41). Ограниченный линией объездной скоростной трассы (которая сама по себе безусловное *не-место*), участок вблизи Смоленки преодолевается сразу в нескольких направлениях: к незасыпанной части залива, или импровизированному пляжу на его берегу; к морскому порту или находящемуся чуть в стороне новому жилому кварталу, возведенному на намыве; наконец, из одного микрорайона в другой, отделенный Смоленкой и пустырем, примыкающим к ней. Территория промежуточного времяпровождения — или *не-место* — лишена постоянного наблюдателя: любой, пребывающий в ней «пользователь»³ подобен всем другим, совершающим здесь свой путь, даже если эти пути будут отличаться. Единственный, задержавшийся здесь надолго — бездомный, обосновавший свое маргинальное жилище среди кустов на одном из краев пустыря.

Развитие идеи *не-мест* Оже отчасти базируется, отчасти пересекается с разработанным Мишелем Фуко понятием гетеротопии про-

¹ Всего на берегах Смоленки расположено четыре кладбища: Лютеранское, Армяно-Григорианское и кладбище «Остров Декабристов» на правом берегу реки и Смоленское православное кладбище — на левом.

² В этом проекте спрямленная ось реки была четко ориентирована на ось Невского проспекта, так позднесоветские преобразования западной части Васильевского острова включали ее в общий городской план, создавая единый ансамбль и закрепляя исторические связи.

³ Примечательно, что это определение («пользователь не-мест») Оже предпочитает «жителю», «путешественнику», «посетителю». (Оже, 2017, стр. 112).

странства (Foucault, 1984), которое оказало значительное влияние на гуманитарную географию и философию пространства в последние десятилетия. В отличие от *не-мест*, оно включает более значительный социально-политический (и, безусловно, биополитический) корпус смыслов, и его характеристики не позволяют провести четкую аналогию гетеротопий с интересующей нас частью городского пространства.

Устье Смоленки с прилегающим ландшафтом может соответствовать предложенному определению *не-места* еще и по той причине, что оно представляет собой локус с нулевым уровнем культурной памяти, в то время как *места* (следуя мысли Оже и предшествующим концепциям «памяти места») обладают определенным смыслообразующим принципом, формирующим связи и имеющим отношение к истории, то есть являются местами, создающими идентичность¹. Микрорайон, включенный, по сути, в техногенный фрагмент нового города в границах старого, не предполагает социальных контактов, существования объектов, свойственных «местам для жизни» (Оже, 2017, стр. 73). Черновик несуществующего парка, протоки, окруженные пустырями, являют собой не только физический разрыв в городской застройке вдали от туристических достопримечательностей, но и воплощение пустоты как чистого листа культурной памяти.

4.

Описание маршрута теряет свою конкретику без указания названий. В этом смысле имена собственные выступают не только пространственными ориентирами. Памятные доски, присвоенные имена, названия улиц и скверов, районов, а также альтернативные названия, данные жителями, создают собственную смысловую сеть города. С помощью именовании устанавливаются координаты географических и ментальных карт, причем, если для цифровых карт и мобильных приложений названия представляют собой не более чем код местоположения (утилитарная функция), то в живом, человеческом, восприятии, они приобретают ряд семантических, ассоциативных, коммеморативных, эмоциональных значений. Кроме того, «присвоение имен местам является одним из основных способов построения четко разграниченных пространственных идентичностей» (Rose-Redwood, Alderman & Azaryahu, 2010, p. 454). Таким образом, мы можем говорить о созда-

¹ Механизмы формирования этих принципов в современной урбанистической практике были подробно проанализированы мной в исследовании, посвященном новому зданию колледжа Тартуского университета в Нарве, где как раз *память места* получила оригинальное воплощение и сохранение через возникновение новых смыслообразующих принципов (Троицкая, 2020).

нии чувства места посредством топонимики. Пустота же описывается — и в этом состоит еще одна ее особенность, — как безымянный участок или территория, пролегающие между/возле мест, наделенных названиями.

Устье Смоленки, реки, топонимически связанной с кладбищем, которое она пересекает,¹ расположилось внутри района с ономастикой, восходящей к морской теме и морским профессиям (Мичманская, Флагманская, Боцманская, Капитанская, Кораблестроителей улицы, Морская набережная). Справедливости ради, отметим, что «корабельный дискурс» и, шире, морская тематика более чем активно эксплуатируются в Петербурге архитекторами разных лет (с большим перевесом в современности) и топонимическими комиссиями. Но самое характерное с точки зрения городской идентичности название закрепилось за этим районом в целом: в XX веке словосочетание «Морской фасад» носило скорее метафорическое значение, поскольку фасадной эту часть острова назвать было сложно. Однако по мере реализации ряда градостроительных планов, популярность идеи фасада, обращенного к заливу (следовательно, и к морю) росла, и вот, на правом берегу нового русла Смоленки, на новых землях, были возведены комплексы с претенциозными именами «Морской каскад» и «Морской фасад», а чуть позже название «Морской фасад» распространяется и на планы по освоению всех прибрежных и намывных территорий в западной части Васильевского острова. Как видно, топонимика этой части города содержит набор условных предписаний, надстроек, в большей мере, чем отсылки к реальным исторически сложившимся именованиям.

Меж тем, «фасадность» западной береговой линии острова — идея сравнительно недавняя: лишь «в 1960-е власти признали недостойным великого города то, что он обращен к морю заводскими окраинами и кусками нетронутой природы (как на острове Вольный)» (Саблин, 2009). Этот замысел нельзя назвать традиционным для европейского города, так как большинство исторических «приморских» городов, как правило, выходят к морю не парадной, а портово-промышленной частью. Впрочем, именно наличие пассажирского порта, по всей вероятности, послужило в свое время импульсом к

¹ Оно в свою очередь получило имя по названию церкви Святой иконы Смоленской Божьей матери, построенной в дереве в 1760 году, а река, также известная как Черная, в 1864 году была переименована в Смоленскую (Никитенко & Соболев, 2013, стр. 537). «Происхождение названия кладбища обычно связывают с предположением, что здесь, в топкой и заболоченной местности недалеко от взморья, селились переведенцы из Смоленских земель, пришедшие на строительство Петербурга. Едва ли эта версия правдоподобна. Название кладбища, как и реки Смоленки, закрепилось после сооружения храма во имя Смоленской иконы Божией Матери» (Кобак & Пирютко, 2011, стр. 295).

оформлению прибрежных зон, параллельных Наличной улице, а затем и фасадов, идущих вдоль Морской набережной. С появлением на месте моря скоростной магистрали, отделяющей бывший берег острова от возведенных на насыпи новых кварталов, топонимический смысл этих названий исчезает, как исчезает и часть региональной идентичности, связанной с местом жизни. Статус близлежащих территорий колеблется между «лицом города», фасадом, и задворками нового строительства.

Имена собственные наполняют смысловыми значениями место, навязывая ему некое предписание, исходящее от истории, или имеющее более сложные коннотации, взывающие к идентичности. В то же время *не-места*, описанные Оже, маркируются словами или текстами, которые обращены к индивиду, лишенному индивидуальности. Это могут быть указатели, инструкции, предупреждения, запреты; Оже называет это «наступлением текста на пространство» (Оже, 2017, стр. 108). Эмалевая табличка на витой ножке, несущая название «Мост Кораблестроителей»¹, безусловно, сохраняет стилистическую связь с петербургским текстом и адресована ищущему Петербург вблизи нового устья Смоленки (**илл.7**). Впрочем, никаких таких ожиданий она не оправдывает, поскольку в своей визуальной принадлежности историческому городу она одинока, как единственный фонарь на опушке заснеженного леса Нарнии.

Надпись, сообщающая, что территория устья является водоохранной зоной — она встречается в нескольких местах и маркирует статус этой земли, обеспечивая ее номинальную принадлежность берегу залива — обращена к невидимым противникам, к посягающим на земли устья для застройки, но в то же время замаскирована под нейтрально-осведомительный текст, имеющий ссылку на российское законодательство. Безличное сообщение безличному адресату с упоминанием закона, что стирает любые следы субъектности. (**Илл.8**) (Дорожные указатели (Мичманская улица ↔; Морской вокзал → ; **см. Илл.9**) безмолвно помещают пользователя *не-места* в пространственные координаты, не обозначая позицию наблюдателя, десубъективируя ее.

¹ Стилистика мостовых петербургских указателей была разработана еще в середине XX века: ажурные столбики в «петербургском стиле» с запоминающимся эмалевым синим фоном и единым для всех табличек шрифтом.

Иллюстрация 7. Указатель «Мост Кораблестроителей». Фото автора. 2002 г.

**Иллюстрация 8. Информационный щит вблизи устья Смоленки.
 Фото автора. 2020 г.**

**Иллюстрация 9. Дорожный указатель на углу Мичманской улицы и
 Морской набережной. Фото автора. 2020 г.**

Меты иного рода вносят граффити, распространяющиеся по всем доступным поверхностям как некие знаки присутствия. Освоение *не-места* с помощью графических практик — способ телесного переживания пространства, существующего за пределами повседневной реальности (например, длинные ленты граффити, разворачивающиеся на стенах заборов и гаражей вдоль железнодорожных путей, их можно увидеть, как правило, лишь из окна вагона). Помимо тегов, бабблов, рисунков, здесь встречаются и вполне лаконично оформленные сообщения, где содержательная часть доминирует над стилистической. Они гласят: «Россия живет скоростями», «Борись за метамодерн!»

или фиксируют совсем наивные выплески индивидуального, частного: «*Вся моя жизнь — это пазлы. Ветром раздует фрагменты...*» или отчаянное «*Поздравляю! Ты опять всё испортила*» (Илл.10). Концептуальность последнего заявления заключается в признании самого процесса вандального нанесения краски на гранитную облицовку. Своего рода интервенция конкретного, личного, закрепленного манифестационным высказыванием, в безличное пространство *не-места* может неприятно удивлять, шокировать, но благодаря ей транзитное состояние прерывается, обнаруживая в месте разлома одно из городских сообществ. В силу своей неопределенной, слоистой идентичности городские пустоты притягивают уличных художников, чье творчество не столько преобразует пустые пространства, сколько вносит завершающие штрихи к их образу

**Иллюстрация 10. Граффити на гранитной облицовке набережной Смоленки.
Фото автора. 2020 г.**

Странным напоминанием о прошлом на земле, не заставшей его, выглядит знаменитый бетонный забор Бориса Лахмана с запоминающимся рельефным паттерном, унифицировавший оградительные стены во многих городах советского пространства. Возле устья Смоленки его плиты использовались во время строительных работ, в данный момент они должны преграждать проход к заливу, но — «нет ограды без входа, нет забора без отбора пространства, контроля над ним» (Савчук, 2012, стр. 110), — одна из створок отодвинута, таким образом, они не препятствуют транзитным потокам, а остаются лишь мет-

кой на пути следования. Как и многие другие поверхности в этом *не-месте*, забор уже освоен граффитистами (**Илл.11**) Местные стены стали привычной площадкой для уличного искусства, прибежищем творческих проявлений, в которых реализуется практика высвобождения скрытого или подавленного художественного желания¹.

Иллюстрация 11. Плиты забора, отделяющего территорию Устья Смоленки от пляжа Финского залива. Фото автора. 2020 г.

Потенциальные возможности обновления жизненного контекста приводят к устью Смоленки самых разных людей. «Пустые и заброшенные городские пространства, выпадая из повседневности, становятся точками кристаллизации нового опыта, мало соотносимого с

¹ Сравнение городских пустот с городским подсознанием приводит в своем исследовании Аккерман, подчеркивая параллель между удалением граффити, проявления подсознательного, и подавлением художественного желания в угоду рациональности, лежащей в основе урбанистических проектов XX века (Akkerman, 2012, p. 22).

привычными для горожанина или туриста городскими картинками» (Шевелев, 2018, стр. 62). Пустоты в городе позволяют сменять модус существования: адресная принадлежность человека улице, дому, местам работы, покупок, отдыха, медицинским центрам, своей остановке и своей станции метро, своей парковке и т.д. сменяется вариативностью маршрутов и пересечением границ. «Прерывистость и сложность, обеспечиваемые переключением оптик и регистров восприятия/действия, как нельзя лучше описывают современный городской опыт. Город постоянно переводится из отчужденного в близкий» (Бредникова & Запорожец, 2018, стр. 27). В случае с устьем Смоленки мы как раз имеем дело с зыбким, меняющимся контуром городской идентичности: здесь нет деления на старое и привнесённое новое, весь ландшафт сформирован относительно недавно, в пределах полувека. Культурные смыслы, порожденные этим ландшафтом, свободным от мнемонического переживания, создают новую ритмику пространства, которая может быть воспринята не сразу. И все же этой территории свойственна образность, возникающая из едва уловимых деталей и форм их взаимодействия.

5.

Визуальное восприятие города, или «образ города», описано К. Линчем через ряд свойств и элементов городской среды. Среди свойств или качеств он выделял ясность, цельность идентичности, неразрывность, ритмичность. Среди основных элементов — пути, границы, районы, узлы, ориентиры (Линч, 1982). Пустоты, возникающие хаотично, или порожденные архитектурой, противоречат принципам Линча, а состояние неопределенности, которое они порождают, провоцирует смену оптики, фрагментацию разрозненных наблюдений.

Аналогии кварталов вблизи устья Смоленки с барокко, а также барочный образ городских пустот, возникли неслучайно: пустоты сотканы из сочетаний иррационального и рационального, сближений и далей, и дополняются почти тактильным ощущением пейзажности, как основной характеристики местности.

Иконографический ландшафт Петербурга, силуэтно воспринимаемый пейзаж, подразумевает пустынную, подчеркиваемую вертикалями архитектурных доминант:

В контексте петербургского мифа, однако, постоянный антагонизм природы и культуры отражает дуалистическую структуру города (...) Эта полярность визуально выражена через контраст между природными элементами, тяготеющими к горизонтальной оси (плоская поверхность, низкое, нависшее небо) и культурными метафорами, для кото-

рых характерны вертикальные формы (внесенные над городом шпили и купола). (Рубинс, 2003, стр. 276).

Небесная линия, водная линия в этой паре служат фоном, в то время как игла, шпиль, купол становятся в нем событиями. Башня и плато — вот та эмблематическая формула, которая раскрывает своеобразие петербургского ландшафта (Степанов, 2016, стр. 224-237). Для устья Смоленки в его современном виде вертикалью, определяющей характер пространства, стали не высотные жилые дома, возведенные в некотором отступе от реки, а маячащая в кадре залива, высящаяся над распластанным горизонтом башня Лахта-центра, своими масштабами и иллюзорной деструкцией соотношений «близкое-далекое» создающая оптическое преодоление, сокращение расстояния, что еще больше подчеркивает фантастичность и безлюдность этого нового видового ракурса города (**Илл. 12**).

Иллюстрация 12. Башня и плато: вид на Лахта-центр со стороны устья Смоленки. Фото автора. 2020 г.

Иконография ландшафта — существенный визуальный элемент культурной мифологии Петербурга. Различные региональные мифы участвуют в обеспечении культурными смыслами тех или иных мест, или, словами Оже, антропологических мест, в которых соединяются понятия идентичности, истории и отношений. Спатиализация, таким образом, напрямую связана с культурным ландшафтом, для определения которого следует руководствоваться «наиболее яркими характер-

ными представлениями, знаками и символами переживаемых в культурном контексте территорий» (Замятин, 2006, стр. 180). Но что определяет характерность? Частота употребления? Воспроизводимость? Или наличие мифа, как например, мифа о петербургском тексте (Дмитрий Замятин упоминает в качестве «наиболее сильных» петербургских образов те, что были созданы в литературе XIX – начала XX века и затем – в графике и живописи, преимущественно «Мира искусства» (2006, стр. 181)? В этом случае, что нам делать с теми, например, архитектурными образами и городскими ансамблями, которые возникли после сложения этого мифа? Для Петербурга, его архитектурного облика, свойственны постоянные «оглядки» на прошлое в поиске этих и других мифологических представлений, материализация «характерного», доходящая до попыток мимикрии, особенно, когда речь идет о застройке существующих исторических районов (здесь всегда будет актуален вопрос, какую из временных точек следует считать рекомендуемой для консервации форм). Так проявляется своеобразный петербургский пассаизм (см. подробнее: Степанов, 2006), как отличительная черта петербургской идентичности. Поиски цельного пластического образа порой трансформируются в абсолютную его противоположность, как в примере с фальшивыми арками, выходящими на Морскую набережную, или арками, по тому же принципу возведенными для уникального по своей архитектуре дома на Новосмоленской набережной (Степанов, 2016, стр. 197).

По всей вероятности, для того, чтоб стать «культурным образом географического пространства», возникнуть как значимое для формирования идентичности явление, образ этот должен быть репрезентирован в культуре. Но кому принадлежит выбор объекта репрезентации, если сам он определяется набором культурных предпосылок, включающих в том числе тот или иной тип городской идентичности? В этом отношении новые районы, новообразованные территории, наконец, свежесозданные здания, подвергаются рефлексии, в первую очередь, в визуальных формах репрезентации, которые прорывают плотную оболочку конвенциональности, отделяющую «классические» городские виды от всего случайного, повседневного, периферийного. Образец такой творческой рефлексии – новые городские пейзажи, живописные виды, современные ансамбли, меняющие облик береговой линии, такие как башня Лахта-центра, о которой выше велась речь. Фиксация, и не только неоднократная фотофиксация, но и живописное осмысление новой формы в пространстве — как, например, в пейзаже Даниила Троянова¹, где атмосфера одиночества и пу-

¹ Д. Троянов. Лахта. 2020. 80x80 см. Холст, масло. Собственность автора.

стынности дополняет образ города без человека, города, несоизмеренного человеку, — ведет к появлению в иконографии петербургского ландшафта новых видов, открывающихся от устья Смоленки (Илл. 13).

Иллюстрация 13. Д. Троянов. Лахта. 2020. 80x80 см. Холст, масло.

В образном восприятии определенной части города важен пространственный нарратив, во многом определяемый культурной памятью или ее отсутствием. Формирование чувства места в устье Смоленки затруднено отсутствием локальной истории. Вместе с тем, эти «нулевые», свеженасыпанные земли несут в себе память о градостроительной традиции, едва ли не ставшей одним из главных культурных мифологических кодов Петербурга, по замыслу Петра, «города-наболоте», подчинившего себе природу, и связанного «с понятием *forcer la nature* (завоевание природы), концепцией, лежащей в основе мно-

гих композиций французского барокко XVII века» (Эпштейн-Плющ, 2003, стр. 532).

Климатические особенности, влекущие за собой необходимость осушения, искусственного поворота русла, насыпи, долгое время предопределяли одну из стратегий развития городских земель. «Одной из постоянных забот руководства города и всей России были последовательные, год за годом, работы по осушению болот, подсыпкам территорий, намывам в акваториях, расширению набережных, прокладке различных видов каналов (часто имевших не столько судоходную и водоводную функции, но и дренажную — водоотводную из болотистой местности функцию)», — так в 2014 году, во время проявления напряженного отношения общественности к намывным работам в западной части Васильевского острова, описал этот исторический процесс Сергей Семенцов, член экспертной группы Градостроительного совета Санкт-Петербурга (2014, стр. 172). На основании карт, планов и архивных документов он привел хронологический перечень планируемых и осуществленных проектов по подсыпке прибрежных территорий, начиная с Д. Трезини и Ж.-Б. Леблона и заканчивая Генеральным планом 2005 года. Способом намыва или насыпи выстроены границы многих известных городских объектов: ансамбль стрелки Васильевского острова, Морского вокзала и Ленэкспо, парка 300-летия Петербурга; образована прибрежная зона на юго-западе города.

Присутствие имплицитных воспоминаний о практике намывных территорий, с которой город живет практически с момента своего основания, можно отчетливо ощутить в нынешнем состоянии устья Смоленки и его окрестностей. Природа, подчиненная инженерной и строительной мысли, здесь же напоминает о себе шелестом листьев и трав, растущих вне понятий о регулярной планировке, цветущей водой с желтыми кувшинками, песком, подхваченным ветром со стихийно возникшего поблизости пляжа. «Колонизированные» городом морские территории словно не торопятся прощаться со своей независимостью.

Спрявление рек — процесс все той же корректировки географических контуров города, свойственной Петербургу. Подправки естественных границ порой проникают в описания, отражающие восприятие «природных» видов города: «Здесь сила, толщина языческого слоя и мощь духа Севера, которые требуют иного орнамента, декора, организации пространства — сглаживания русла реки и рассечения местности каналами» (Савчук, 2000, стр. 10). «Причудливы упругие повороты невских разветвлений, изрезавших побережье Финского залива. Речушки, ручейки, болотца, превращенные в каналы и реки, *втисну-*

тые в гранитные набережные (курсив мой — А. Т.), создали неповторимый рисунок петербургской панорамы» (Лурье, 2001, стр. 304). Литературные аллюзии к «петербургским» мотивам, приведенные в семиотическом исследовании Елены Григорьевой, демонстрируют процесс мифологизации насыпи, вала, управления водой (Григорьева, 1998). В ее статье основные петербургские мотивы предстают в ошеломляющих по своей точности образах, метафорически связывающих их с категорией времени, его остановок и движения. Так, возникают параллели «устье реки – пробка, клапан» (стр. 173), сочетание воды и песка складывается в образ песочных часов с узким горлом, мотив пустоты как начальная точка творения города приобретает демиургический контекст, параллель с Творением Мира. Преломление природной формы, насильственное ее преобразование в форму архитектурную работает на создание образа подобно скрытой пружине. Парапеты, бордюры, лестницы, спуски в устье Смоленки имитируют подчинение творческому замыслу естественной береговой линии (как бы повторяющей судьбу небольших рек и протоков Петербурга). Само существование этих берегов, так же, как и их облицовка — части единого градостроительного проекта (илл.14). Те самые гранитные набережные, которые служат и границей, и ограничением, уже своим материалом, его глубокой связью с петербургской архитектурой, наполняют устье историческими коннотациями. В конце XX века (эта часть Смоленки приобрела гранитное обрамление в конце 1980-х), в новых местах с новой архитектурой возникает обращение к одному из самых сильных петербургских кодов, атрибуту города и важнейшему элементу его колористического образа — гранитному камню.

**Иллюстрация 14. Гранитное обрамление устья Смоленки.
 Фото автора. 2020 г.**

Получается, что типичное, на первый взгляд, *не-место* — вовсе нетипично. Символический модус памяти складывается здесь из элементов, гарантирующих «припоминание» не-бывшего. Косвенная роль риторических фигур, выступающих как различные вариации культурных смыслов, заключается в формировании идентичности в условиях ее размытых контуров. Возникшее на пустой территории, лишенной определенности и официальной концепции градоустройства, это причудливое пространство непреднамеренно реконструирует подобие петербургского текста. Метафора «чистого листа» в этом случае остается обманчиво притягательной, поскольку содержит в себе потенциальную идею заполнения пустоты-разрыва, инкорпорирования особого участка карты в воображаемое тело города.

6.

Городские пространства тесно вплетены в образно-метафорические дискурсы современного города, и пустоты, как территории, наделенные особыми статусными характеристиками, смыслами и аффектами, оказываются в этом значении вовсе не на периферии, а практически в эпицентре городского опыта. Концепт пустоты обладает многогранностью раскрываемых понятий и смежных значений в искусствах и гуманитарной науке. Основные характеристики, свойственные городским пустотам можно рассматривать как в урбанистическом (например, отсутствие функциональности), так и в антропологическом аспектах (соотношение пустот с повседневными практиками и историческими представлениями, положение пустот в ментальных картах города). Но для понимания роли пустотного пространства в формировании городской идентичности необходимо было обратиться к локальному мифу и чувственному опыту. Устье реки Смоленки дает возможность не только получения непосредственных впечатлений внутри этой подзадачи, но и постановки ряда других вопросов, связанных с подобными, нетипичными территориями, точками пересечения различных культурных образований. Как воспринимать, как использовать этот недоосвоенный участок намывной земли, многозначно фронтирного пространства, расположившегося одновременно и в центре, и на краю фронтирного города, совместившего некогда столичный статус с пограничным? Почувствовать переключение и разнородность самого места и мест внутри него — своего рода игра на перемещение внимания от будничного, повседневного, рационально выстраиваемого, к вероятному, отвлеченному, вневременному, абсурдному. Такое понимание возвращает нас к дионисийской метафоре пустот и заброшенных мест. К ней же — в профанном

понимании — приводит опыт посещения этих мест: вода, морской ветер, зеленые кусты, стихийные возлияния и самодельные мангалы. Городская среда здесь имеет свои меты повседневного и возвышенного. Но помимо разграничений пустоты могут и упорядочивать, создавать форму *за* своими пределами, и это их особенное свойство, возможно, еще будет развито урбанистической мыслью.

Устье реки Смоленки, проанализированное как *не-место*, обнаруживает все основные признаки для этого: деперсонализация, транзитность, отсутствие локальной истории, особая ритмика пространства, безадресные и бессубъектные таблички-указатели. И все же маркером городской идентичности оно может быть, хоть границы этой идентичности видятся размытыми и прозрачными. Памятные ориентиры и новые смысловые контексты, «всплывающие» в образном восприятии этой части города, создают невидимые связи с городскими топосами.

Генеральный план, согласно которому возникло новое устье, отличался интересным, но вместе с тем, довольно поверхностным замыслом. По нему, река, задуманная как часть ансамбля «Морского фасада», должна была стать водной артерией, влекущей от морского берега к сердцу города. Но в какую сторону отпираются эти морские ворота? Направление реки противоречит описанному пути в город, она стремится к Маркизовой луже, преодолевая мосты и заброшенные территории. Смоленка, кладбищенская речка — местный обезумевший Стикс, несущий свои неумолимые воды забвения обратно в царство живых. Возможно, это противодействие и является одной из причин отсутствия фасадности в «морском фасаде». Риторика пустот обращена к каждому, и в ней заложена потребность в преобразовании, в движении; в устье Смоленки эта подвижность все еще есть. В перспективе пространство вблизи устья реки планируется благоустроить, разбить долгожданный парк, вместе с которым появятся новые культурные смыслы, возможно, идеологически заданные. Но если при этом удастся сохранить часть тех неявных значений, которые присутствуют в устье Смоленки сейчас, то можно будет назвать его *местом*, по крайней мере, одним из самых интересных петербургских мест.

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикуется при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-011-00552 «Проблемы идентичности в зонах культурного отчуждения городской среды» в СПбГУ

Список литературы

- Akkerman, A. (2012). Philosophical Urbanism and the Predilections of Urban Design. In J. Burian (Ed.), *Advances in Spatial Planning* (pp. 3–26). Rijeka: InTech. Doi: 10.5772/34331
- Assmann, A. & Shortt, L. (Eds.). (2012). *Memory and Political Change*. New York: Palgrave Macmillan.
- Certeau, M. de (1984). *The Practice of Everyday Life*. Berkeley: University of California Press.
- Doron, G. (2018). *The “dead zone” and the architecture of transgression*. Doctoral Dissertation, Delft. Doi: 10.4233/uuid:177004e0-68fe-430b-a085-3baf7c57fd47
- Febvre, L. (1973). Frontier: the World and the Concept. In P. Burke (Ed.). *A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Foucault, M. (1984). Des espaces autres. *Architecture, mouvement, continuité*, 5, *October*, 46–49.
- Lefebvre, H. (1971). *Everyday Life in the Modern World*. New York etc.: Harper & Row.
- Merriman, J. M. (1991). *The Margins of City Life: Explorations on the French Urban Frontier, 1815-1851*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Rose-Redwood, R., Alderman, D. & Azaryahu, M. (2010). Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. *Progress in Human Geography*, 34 (4), 453–470. Doi: 10.1177/0309132509351042.
- Shields, R. (1991). *Places on the Margin: Alternative Geographies of Modernity*. London: Routledge Chapman Hall.
- Trowbridge, C. C. (1913). On fundamental methods of orientation and imaginary maps. *Science, New Series*, 38 (990), 888–897.
- Ассман, Я. (2004). *Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. Пер. с нем. М. М. Сокольской. Москва: Языки славянской культуры.
- Басалаева, И. П., Дубман, Э. Л., Мизис, Ю. А., Мильчев, В. И., Сень, Д. В., Урушадзе, А. Т. & Ходарковский, М. (2020). Как сегодня изучать фронтиры? Дискуссия по статье Д. В. Сень, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 81–105. Doi:10.21638/spbu19.2020.105
- Бредникова, О. & Запорожец, О. (2018). Микроурбанизм. Ловушка для города. В О. Бредникова & О. Запорожец (Ред), *Микроурбанизм. Город в деталях* (стр. 13–39). Москва: Новое литературное обозрение.
- Росбалт. (2006, 18 декабря). Военно-морской музей расположится на острове в устье реки Смоленки. *Росбалт*. Получено из: <https://www.rosbalt.ru/main/2006/12/18/279304.html>

- Григорьева, Е. (1998). Пространство и время Петербурга с точки зрения микро-мифологии. В *Sign System Studies = Труды по знаковым системам*, 26 (стр. 151–185). Tartu: TUP.
- Замятин, Д. Н. (2006). *Культура и пространство. Моделирование географических образов*. Москва: Знак.
- Запорожец, О. & Лавринцев, Е. (2008). Драматургия городского страха: риторические тактики и «бесхозные вещи». В *P.S. Ландшафты: оптики городских исследований. Сборник научных трудов*. Под ред. Н. Милерюса и Б. Коупа (стр. 83–103). Вильнюс: ЕГУ.
- Кобак, А. В. & Пирютко, Ю. М. (2011). *Исторические кладбища Санкт-Петербурга*. Москва: ЗАО «Центрполиграф».
- Кобрин, К. (2020, 23 июля). Дрейфуя в пост-одиночество. *Masters Journal*. Получено из: <http://journal.masters-project.ru/drejfyua-v-post-odinochestvo/?fbclid=IwAR3KBDjUOehWPYMFwGILCyYYsR1WqGUvJq2XWFNvOBAdb03bMFM6cdCNM#.XxnLOpLSPv0.facebook>
- Линч, К. (1982). *Образ города*. Москва: Стройиздат.
- Лурье, Ф. М. (2001). Архитектурные ландшафты Петербурга (печатная графика). В Ю. Н. Беспятовых (Ред.). *Феномен Петербурга. Труды Второй международной конференции* (стр. 304–315). С.-Петербург, Русско-балтийский информационный центр «БЛИЦ».
- Митин, И. И. (2017). Ментальные карты в гуманитарной географии: от ориентации на местности к картографированию пространственных мифов. *Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований*, 2, 6–17.
- Никитенко, Г. Ю. & Соболев, В. Д. (2013). *Дома и люди Васильевского острова*. Москва: ЗАО «Центрполиграф».
- Николаева, Ж. В. & Троицкая, А. А. (2020). Дискурс об идентичности как способ осмысления городского пространства. *Журнал фронтирных исследований = Journal of Frontier Studies*, 5(1), 11-28. Doi: 10.24411/2500-0225-2020-10001
- Нора, П. (1999). Между памятью и историей. Проблематика мест памяти. В П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок, пер с фр. Д. Хапаевой, *Франция-память* (стр. 17–50). С.-Петербург: Изд-во СПбГУ.
- Нора, П. (2005). Всемирное торжество памяти. Пер. с фр. М. Сокольской, *Неприкосновенный запас*, 40-41(2-3), 202–208.
- Оже, М. (2017). *Не-места*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Рибер, А. (2004). Меняющиеся концепции и конструкции фронта: сравнительно-исторический подход. В И. В. Герасимов и др. (Ред.), *Новая имперская история постсоветского пространства* (стр. 199–222). Казань: ЦИНИ.
- Романова, А. (2018, 17 октября). Парк, которого нет: девелоперы территории в устье Смоленки обещают создать зеленую зону. *Фонтанка.ру*. Получено из <https://www.fontanka.ru/2018/10/17/018/>

- Рубинс, М. (2003). Петербургский топос во французских путевых очерках первой половины XIX века. В В. Е. Багно (Ред.), *Образ Петербурга в мировой культуре. Материалы международной конференции (30 июня – 3 июля 2003 г.)* (стр. 266–28). С.-Петербург: Наука.
- Саблин, И. Д. (2008). История первая: градостроительная. Тайны перепланировки. *Квартальный надзиратель. Специальные тематические страницы журнала СПб. Собака.RU*, 9 (69), сентябрь, 10–13.
- Саблин, И. Д. (2009). История пятая: про Морской фасад. Сесть в лужу *Квартальный надзиратель. Специальные тематические страницы журнала СПб. Собака.RU*, 2 (74) февраль, 18-21. Получено из: <http://kn.sobaka.ru/n74/05.html>
- Савчук, В. В. (2012). Забор как вид медиа. *Международный журнал исследований культуры*, 4 (9), 105–111.
- Савчук, В. В. (2000). *Невольная линия ландшафта. Петербург Александра Китаева*. Санкт-Петербург: Издательский центр «Академия».
- Семенцов, С. В. (2014). Освоение под застройку прибрежных акваторий Санкт-Петербурга в XVIII – начале XXI века. В А. А. Родионов (Ред.). *Флот России и культурные традиции Санкт-Петербурга* (стр. 172–191). С.-Петербург: Нестор-История.
- Степанов, А. В. (2006). Петербургский пассаизм. Pro et contra. *Научные труды*, 8, 140-147.
- Степанов, А. В. (2016). *Феноменология архитектуры Петербурга*. С.-Петербург: Арка.
- Троицкая, А. А. (2020). Реконструкция незримого: здание Нарвского колледжа Тартуского университета в историческом облике города. В С. С. Аванесов & Е. И. Спешилова (Ред.), *Визуальная антропология—2019. Город-университет: жизненное пространство и визуальная среда: материалы III Международной научной конференции, 28–30 августа 2019 г., Великий Новгород* (с. 509–521). Великий Новгород: НовГУ им. Ярослава Мудрого. Doi: 10.34680/visant-2020-509-521
- Трубина, Е. Г. (2011). *Город в теории: опыты осмысления пространства*. Москва: Новое литературное обозрение.
- Фуртай-Проскура, И.-Ф. (2017). Urbis futurum: эволюция городского пространства как онтологическая проблема. В С. Г. Еремеев и др. (Ред.), *XXI Царскосельские чтения: материалы междунар. науч. конф. 25–26 апр. 2017 г.* (Т. I, стр. 123–127). Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина.
- Хан-Магомедова, В. (2011). По следам пустоты в современном искусстве. *Диалог искусств*, 6. Получено из <http://di.mmoma.ru/news?mid=2677&id=1116>
- Шевелев, Е. (2018). Город (без) человека: практики освоения пустых и заброшенных пространств В О. Бредникова & О. Запорожец (Ред), *Микроурбанизм. Город в деталях* (стр. 42–63). Москва: Новое литературное обозрение.

- Шенк, Ф. Б. (2001). Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней. Пер. с нем. А. Жоровой. *Новое литературное обозрение*, 52, 42–61.
- Шмыглевская, Ю. (2009, 10 ноября). От резиденции Путина до отеля на Васильевском. *Деловой Петербург*. Получено из: https://www.dp.ru/a/2009/11/10/Ot_rezidencii_Putina_do_o/
- Шубинский, В. И. (2001). Автогеография. *Знамя*, 12, декабрь, 115–129.
- Эпштейн-Плющ, М. (2003). Образ Петербурга в западном архитектуроведении. В В. Е. Багно (Ред.), *Образ Петербурга в мировой культуре. Материалы международной конференции (30 июня – 3 июля 2003 г.)* (стр. 527–540). С.-Петербург: Наука.
- Якушенков, С. Н. (2015). Фронтир как культурная парадигма. *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1(42), 288–298.

References

- Akkerman, A. (2012). Philosophical Urbanism and the Predilections of Urban Design. In J. Burian (Ed.), *Advances in Spatial Planning* (pp. 3–26). Rijeka: InTech. DOI: 10.5772/34331
- Assmann, A. & Shortt, L. (Eds.). (2011). *Memory and Political Change*. London: Palgrave Macmillan.
- Assmann, J. (2004). *Cultural Memory and Early Civilization: Writing, Remembrance, and Political Imagination*. M. M. Sokolskaya (transl.). Moscow: LRC. (In Russian)
- Augé, M. (2017). *Non-places: an introduction to hypermodern anthropology*. A. Yu. Konnov (transl.). Moscow: New Literary Observer. (In Russian)
- Basalaeva, I. P., Dubman, E. L., Mizis, Y. A., Milchev, V. I., Sen', D. V., Urushadze & A. T., Khodarkovsky, M. (2020). How to study frontiers today? Discussion on the article by D. V. Sen', *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*, 1, 81–105. Doi: 10.21638/spbu19.2020.105 (In Russian)
- Brednikova, O. & Zaporozhets, O. (2018). Micro-urbanism. A trap for the city. In O. Brednikova & O. Zaporozhets (Eds.), *Micro-urbanism. City in details*. (pp. 13–39). Moscow: New Literary Observer. (In Russian)
- Certeau, M. de (1984). *The Practice of Everyday Life*. S. Rendall (transl.). Berkeley: University of California Press.
- Doron, G. (2018). *The “dead zone” and the architecture of transgression*. Doctoral Dissertation, Delft. DOI: 10.4233/uuid:177004e0-68fe-430b-a085-3baf7c57fd47
- Epshtein-Plusch, M. (2003). The image of St. Petersburg in Western architectural studies. In V. Ye. Bagno (Ed.), *The image of St. Petersburg in world culture. Proceedings of the international conference (June 30 – July 3, 2003)* (pp. 527–540). St. Petersburg: Nauka. (In Russian)

- Febvre, L. (1973). *Frontier: the World and the Concept*. In P. Burke (Ed.). *A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Foucault, M. (1984). *Of Other Spaces. Architecture, movement, continuity, 5, October*, 46–49. (in French)
- Furtai-Proskurina, I.-F. V. (2017). *Urbis futurum: the evolution of urban space as an ontological problem*. In S. G. Ereemeev et al. (Eds.). *XXI Tsarskoye Selo readings: Proceedings of the International scientific Conference. April 25-26, 2017* (Vol. I, pp. 123–127). St. Petersburg: Pushkin Leningrad State University. (In Russian)
- Grigorieva, E. (1998). *Time and space of St. Petersburg from the micromythological viewpoint*. In *Sign System Studies*, 26 (pp. 151–185). Tartu: TUP. (In Russian)
- Khan-Magomedova, V. (2011). *In the footsteps of emptiness in contemporary art. Dialogue of arts*, 6. Retrieved from: <http://di.mmoma.ru/news?mid=2677&id=1116> (In Russian)
- Kobak, A. V. & Piryutko, Yu. M. (2011). *The historical cemeteries of St. Petersburg*. Moscow: Centrepolygraph. (In Russian)
- Kobrin, K. (2020, July 23). *Drifting into post-solitude. Masters Journal*. Retrieved from: <http://journal.masters-project.ru/drejfyua-v-post-odinochestvo/?fbclid=IwAR3KBDjUOehWPYMFLFwGilCyYYsR1WqGUvJq2XWFNvOBAdb03bMFM6cdCNM#.XxnLOpLSPv0.facebook> (In Russian)
- Lefebvre, H. (1971). *Everyday Life in the Modern World*. S. Rabinovitch (transl.). New York etc.: Harper & Row.
- Lurie, F. M. (2001). *Architectural landscapes of St. Petersburg (printed graphics)*. In Yu. N. Bespiatykh (Ed.). *The Phenomenon of St. Petersburg. Proceedings of the Second International Conference* (pp. 304–315). St. Petersburg, Russian-Baltic Information Centre “BLITZ”. (In Russian)
- Lynch, K. A. (1982). *The Image of the City*. V. L. Glazychev (transl.). Moscow: Stroyizdat. (In Russian)
- Merriman, J. M. (1991). *The Margins of City Life: Explorations on the French Urban Frontier, 1815-1851*. New York, Oxford: Oxford University Press.
- Mitin, I. I. (2017). *Mental maps in Geohumanities: from local orientation towards spatial Myths mapping. Labyrinth. Journal of Philosophy and Social Sciences*, 2, 6–17. (In Russian)
- Nikitenko, G. Yu. & Sobol, V. D. (2013). *Buildings and people of Vasilyevsky Island*. Moscow: Centrepolygraph. (In Russian)
- Nikolaeva, Zh. V. & Troitskaya, A. A. (2020). *Discourse on Identity as a Way of Understanding Urban Space. Journal of Frontier Studies*, 5(1), 11–28. DOI: 10.24411/2500-0225-2020-10001 (In Russian)

- Nora, P. (1999). Between Memory and History: Realms of Memory. In P. Nora (Ed.), D. Khapaeva (transl.), *France – Memory* (pp. 17–50). St. Petersburg: Saint-Petersburg University Press. (In Russian)
- Nora, P. (2005). Worldwide Triumph of Memory (orig. “The Reasons for the Current Upsurge in Memory”). M. Sokolskaya (transl.). *Neprikosnovennij Zapas. Debates on politics and culture*, 40-41(2-3), 202–208. (In Russian)
- Rieber, A. (2004). Changing frontier concepts and construction: historical comparativism. In I. V. Gerasimov et al. (Eds.), *The New Imperial History of Post-Soviet Space* (pp. 199–222). Kazan: The Center of Nationalism and Empire Studies. (In Russian)
- Romanova, A. (2018, October 17). The Park that doesn't exist: developers of the territory at the mouth of Smolenka promise to create a green zone. *Fontanka.ru*. Retrieved from: <https://www.fontanka.ru/2018/10/17/018/> (In Russian)
- Rosbalt. (2006, December 18). The Naval Museum will be located on an island at the Smolenka River mouth. *Rosbalt*. Retrieved from: <https://www.rosbalt.ru/main/2006/12/18/279304.html> (In Russian)
- Rose-Redwood, R., Alderman, D. & Azaryahu, M. (2010). Geographies of toponymic inscription: new directions in critical place-name studies. *Progress in Human Geography*, 34 (4), 453–470. Doi: 10.1177/0309132509351042.
- Rubins, M. (2003). Petersburg topos in French travel essays first half of the XIX century. In V. Ye. Bagno (Ed.), *The image of St. Petersburg in world culture. Proceedings of the international conference (June 30 – July 3, 2003)* (pp. 266–28). St. Petersburg: Nauka. (In Russian)
- Sablin, I. D. (2008). The story number one: urban planning. Secrets of redevelopment. *The Quartenier. Special thematic supplement to the magazine SPb.Sobaka.RU*, 9 (69), September, 10–13. (In Russian)
- Sablin, I. D. (2009). The story number five: about the Marine Facade. To sit in (Marquis's) puddle. *The Quartenier. Special thematic supplement to the magazine SPb.Sobaka.RU*, 2 (74) February, 18–21. Retrieved from: <http://kn.sobaka.ru/n74/05.html> (In Russian)
- Savchuk, V. (2012). The Fence as a Kind of Media. *International Journal of Cultural Research*, 4(9), 105–111. Retrieved from [https://culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04\(9\)_2012_Savchuk.pdf](https://culturalresearch.ru/files/open_issues/04_2012/IJCR_04(9)_2012_Savchuk.pdf) (In Russian)
- Savchuk, V. V. (2000). *An involuntary line of the landscape. Alexander Kitaev's Petersburg*. St. Petersburg: Academia. (In Russian)
- Schenk, F. B. (2001). Mental maps: the construction of geographical space in Europe from the Enlightenment to the present day. Literature review. A. Zhorova (transl.). *New Literary Observer*, 52, 42–61. (In Russian)
- Sementsov, S. V. (2014). Development of the coastal waters of St. Petersburg in the XVIII – early XXI century under construction. In Rodionov A. A. (Ed.). *Russian Navy and cultural traditions of Saint Petersburg* (pp. 172–191). St. Petersburg: Nestor-Istoriya. (In Russian)

- Shevelev, E. (2018). City with(out) humans: practices of reclamation of empty and abandoned spaces. In O. Brednikova & O. Zaporozhets (Eds.), *Micro-urbanism. City in details*. (pp. 42–63). Moscow: New Literary Observer. (In Russian)
- Shields, R. (1991). *Places on the Margin: Alternative Geographies of Modernity*. London: Routledge Chapman Hall.
- Shmyglevskaya, Yu. (2009, November 10). From Putin's residence to the hotel on Vasilevsky. *Delovoy Peterburg*. Retrieved from: https://www.dp.ru/a/2009/11/10/Ot_rezidencii_Putina_do_o/ (In Russian)
- Shubinskiy, V. I. (2001). Autogeography. *Znanya*, 12, December, 115–129. (In Russian)
- Stepanov, A. V. (2006). St. Petersburg passeism. Pro et contra. *Scientific papers*, 5, 140–147. (In Russian)
- Stepanov, A. V. (2016). *St. Petersburg Architecture. Phenomenological Approach*. St. Petersburg: ARCA. (In Russian)
- Troitskaya, A. A. (2020). Reconstruction of invisible. The Building of Narva College (Tartu University) in the historical image of the city. In S. S. Avanesov & E. I. Speshilova (Eds.), *Materials of the III International Scientific Conference "Visual Anthropology–2019. City-University: Living Space and Visual Environment", August 28-30, 2019, Veliky Novgorod, Russia* (pp. 509–521). Veliky Novgorod: NovSU. Doi: 10.34680/visant-2020-509-521 (In Russian)
- Trowbridge, C. C. (1913). On fundamental methods of orientation and imaginary maps. *Science, New Series*, 38 (990), 888–897.
- Trubina, E. G. (2011). *City in Theory: the Experiences of Understanding Space*. Moscow: New Literary Observer. (In Russian)
- Yakushenkov, S. N. (2015). Frontier as a cultural paradigm. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*, 1(42), 288–298. (In Russian)
- Zamyatin, D. N. (2006). *Culture and space. Modeling geographic images*. Moscow: Znak. (In Russian)
- Zaporozhets, O. & Lavrinec, E. (2008). The dramaturgy of urban fear: rhetorical tactics and «unattended articles». In N. Milerius, B. Cope (Eds.). *P.S. Landscapes: Optics for Urban Studies* (pp. 83–103). Vilnius: EHU Press. (In Russian)